

УДК 338

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-396-403>

Об оценке прогностического потенциала зарубежной советологии

Максим Борисович Назаренко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, nazarenko_nax@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9177-085X>

Аннотация

Цель. Провести обзор и анализ мнений зарубежных советологов относительно путей развития советской экономики позднесоциалистического периода, а также выявления проблем прогностического потенциала зарубежной советологии.

Задачи. Изучить сценарии развития советской экономической модели предперестроечного периода и проблемы при их прогнозировании зарубежными аналитиками.

Методология. Объектом изучения стала зарубежная историография экономической истории СССР предперестроечного периода. Источниками информации послужили данные официальной статистики и работы зарубежных аналитиков. Авторами настоящей статьи используются общенаучные методы исследования, а также методы историко-экономического анализа.

Результаты. Анализ зарубежных исследований показывает, что выдвигавшиеся советологами перед перестройкой гипотетические сценарии развития Советского Союза основывались на прогнозах предыдущих лет, противоречивых статистических данных и научных методах, апробированных в условиях капиталистической экономической модели. Между тем советская плановая социалистическая модель представляла собой иной тип экономики, который ранее не пытались реализовать на практике в масштабах страны (ситуация остается прежней и в рассматриваемый нами период). Согласно позиции зарубежных исследователей, несмотря на низкий рост показателей валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения и главного флагмана экономики — промышленного сектора (с учетом падения нефтяных доходов и ужесточения санкционной политики против СССР в начале 1980-х гг.), экономика оставалась стабильной. Благодаря большим запасам прочности в виде развитой промышленности, сельского хозяйства, инфраструктуры, высокого научного потенциала и огромному запасу природных ресурсов дальнейшее существование СССР не подвергалось сомнению.

Выводы. Многие советологи писали о необходимости фундаментальных изменений в советской плановой экономической системе. Вместе с тем учитывали значительные трудности и риски, связанные с возможными реформами, полагая, что последствиями радикального внедрения рынка в плановую экономику могут быть существенные потрясения. Это одна из причин, ввиду которых в доперестроечный период мало кто из западных аналитиков допускал вероятность проведения масштабных преобразований в ближайшее время.

Ключевые слова: советология, эффективность, прогнозы, экономические реформы, ретроспектива, плановая экономика

Для цитирования: Назаренко М. Б. Об оценке прогностического потенциала зарубежной советологии // *Экономика и управление*. 2022. Т. 28. № 4. С. 396–403. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-396-403>

© Назаренко М. Б., 2022

Assessment of the predictive potential of international Sovietology

Maksim B. Nazarenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, nazarenko_nax@mail.ru, , <https://orcid.org/0000-0001-9177-085X>

Abstract

Aim. The work aimed to review and analyze the opinions of international Sovietologists regarding the ways of the Soviet economy development of the late socialist period, as well as to identify problems of the prognostic potential of international Sovietology.

Tasks. The work was performed to study scenarios for the development of the pre-perestroika Soviet economic model and problems in their prediction by international analysts.

Methods. The object of study was the international historiography of the USSR economic history in the pre-perestroika period. The sources of information were official statistics and the works of international analysts. The authors of this article used general scientific research methods, as well as methods of historical and economic analysis.

Results. An analysis of international studies shows that the hypothetical scenarios for the development of the Soviet Union put forward by Sovietologists before perestroika were based on prognosis of previous years, conflicting statistical data and scientific methods tested under the conditions of the capitalist economic model. Meanwhile, the Soviet planned socialist model represented a different type of economy, which had not previously been tried to be implemented on a national scale (the situation remains the same in the period considered). According to the position of international researchers, despite the low growth values of gross domestic product (GDP) per capita and the main leader of the economy, the industrial sector (taking into account the fall in oil revenues and stiffening of sanctions against the USSR in the early 1980s), the economy remained stable. Due to large margins of safety in the form of developed industry, agriculture, infrastructure, high scientific potential, and a huge stock of natural resources, the further existence of the USSR was not in doubt.

Conclusion. Many Sovietologists have written about the need for fundamental changes in the Soviet planned economic system. At the same time, they took into account the significant difficulties and risks associated with possible reforms, believing that the consequences of the radical introduction of the market into the planned economy could be significant disturbances. This is one of the reasons why, in the pre-perestroika period, few Western analysts admitted the possibility of large-scale reforms in the near future.

Keywords: *Sovietology, efficiency, forecasts, economic reforms, retrospective, planned economy*

For citation: Nazarenko M.B. Assessment of the predictive potential of international Sovietology // *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2022;28(4):396-403 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-396-403>

Постепенное замедление темпов экономического роста СССР с 70 — начала 80-х гг. XX в., неудовлетворительные попытки руководства указанного периода модернизировать хозяйственный механизм привели к росту предложений по структурным реформам советской системы для предотвращения кризиса. Однако практически никто из известных и авторитетных советологов не предполагал, что советская плановая экономическая система может прекратить существование в ближайшие несколько десятилетий.

Изучение работ зарубежных экономистов и историков позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на их заявления о необходимости фундаментальных реформ соци-

ально-экономической системы СССР, они склонялись к тому, что существовавшая советская система, со всеми ее недостатками, способна функционировать еще в течение продолжительного времени. Советолог М. Эллман, указывая на неэффективность советской модели, считал, что развал экономики СССР в ближайшей перспективе маловероятен. Он полагал, что постепенное снижение темпов роста экономики Советского Союза, начиная с 1960-х гг., указывает на то, что действовавшая плановая экономическая модель в долгосрочной перспективе не сможет развиваться в динамично изменяющейся международной капиталистической среде [1, р. 16]. М. Эллман писал о том, что советская социалистическая модель была

неспособна на дальнейшее развитие, даже если не произошло бы перестройки, которая своими непродуманными действиями ускорила крах системы: без системных изменений советская модель экономики оставалась бы обреченной на глубокий кризис.

Наличие значительных проблем в советской экономике способствовало формированию у советологов предположений о путях ее дальнейшего развития. В 1982 г. Г.-Г. Хеманн, один из немногих зарубежных экономистов, детально рассмотревших допустимые направления перемен в советской экономической системе, сформулировал четыре сценария возможного развития СССР:

1. Преобразование существующей модели в неосталинистскую. Данная модель развития предполагает быстрое накопление капитала путем снижения уровня потребления, использование принудительного труда, распределение ресурсов на решение основных задач и т. д.

2. Консервативная модернизация, более глубокое сотрудничество со странами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Указанный сценарий предполагает усиление центризма в планировании, укрепление внешнеэкономических связей со странами СЭВ.

3. Либеральная модернизация, налаживание устойчивых связей с Западом. Предполагается внедрение элементов открытости по экономическому, культурному и политическому направлениям. Вводятся компоненты нэпа и расширяется сотрудничество с Западом. Указанная модернизация возможна в случае разрядки напряженности между СССР и Западом, а также смены поколений в советском руководстве.

4. Радикальная либеральная модернизация. Преобразования, способствующие обеспечению сотрудничества с Западом в широком спектре. Наиболее радикальный путь развития, введение рыночных механизмов, политическая либерализация [2, с. 40–42].

Г.-Г. Хеманн предполагал, что проведение радикальных рыночных реформ может привести к краху существующей системы. Вместе с тем он обращал внимание на то, что подобные преобразования маловероятны, поскольку они могут угрожать существованию страны в целом. Поэтому устоявшаяся модель, с ее запасами прочности, будет стабильна еще как минимум десятилетие.

К схожим с Г.-Г. Хеманном выводам пришел и экономист Р. Гетц-Кененберг (ФРГ).

Однако реакционный вариант отсутствует в его сценариях:

1. Консервативно-бюрократическая модель. Отсутствие каких-либо существенных изменений в развитии экономической системы.

2. Либеральная модель. По мнению советолога, при таком сценарии развития допустимо сосуществование двух секторов экономики: первого — развивающегося по консервативно-бюрократической модели; второго — рыночного (либерализованного). Последний ассимилировал бы и легализовал в свою структуру существующую теневую экономику и предоставил право частной собственности на средства производства.

3. Радикальная модель. Р. Гетц-Кененберг, как и Г. Г. Хеманн, прогнозировал вероятность реализации радикального сценария, но, в отличие от коллеги, предполагал сохранение социалистической собственности и централизованное планирование в стратегических областях, то есть возможное применение в Советском Союзе венгерского или китайского опыта.

4. Технократическая модель. Сценарий, основанный на разработках советских экономистов-математиков, в котором воплощаются принципы системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ). По мнению Р. Гетц-Кененберга, данная модель (название которой им и введено) позволила бы оптимизировать экономические решения с учетом ограниченности производственных ресурсов и интересов разных уровней управления экономикой [3, с. 55–61].

Ф. Хэнсон признавал маловероятной возможность проведения реальных экономических преобразований в Советском Союзе. Он считал, что политическая и экономическая система централизованного планирования, господствующая в СССР, направлена на предотвращение децентрализации экономики и власти, демонстрирует категорическое неприятие внедрения ограниченных элементов рынка, даже под жестким контролем государства [4, р. 9–10].

Гипотетические сценарии экономических преобразований в СССР рассматривались и другими советологами. Например, Дж. Берлинер (США) предполагал, что трансформация советской экономики возможна в четырех направлениях. Среди них — следующие:

1. Консервативная модель умеренно-реформистского характера — сохранение ос-

новых элементов существующей модели. Однако предполагаются процедурные изменения и эксперименты в использовании договорных отношений в рамках существующей системы.

2. Реакционная модель — восстановление сталинизма. Дж. Берлинер допускал вероятность подобного сценария ввиду ностальгии по экономическим достижениям сталинского периода и отмечал, что «разумное реакционное руководство вполне может выжать из экономики больше, чем осторожное и скомпрометированное руководство последних десятилетий» [5].

3. Радикальная модель, в той или иной степени использующая венгерский опыт реформ. Основной упор сделан на децентрализацию процесса принятия решений, отказ от директивной цели планирования (под контролем центрального планирования будет только вопрос о вложении крупных инвестиций). Предполагается параллельное существование рынка и социализма, где основной мотивацией станет получение прибыли.

4. Либеральная модель — переход к неопэпу. При принятии данной модели реформ сохраняется централизованное планирование в государственном секторе, но разрешается ведение частной деятельности и кооперации в мелкомасштабном производстве, розничной торговле и т. д. [5, р. 110].

Многие зарубежные советологи были согласны с тем, что вопрос о ликвидации советской плановой системы, хотя и стоял на повестке дня, но, по их мнению, мог быть рассмотрен только в случае острого экономического кризиса. Существовавшая же в 1985 г. экономическая модель работала и могла сохраниться без существенных потрясений до начала XXI в.

По мнению В. Конторовича (созвучному с мнением ряда советологов, упомянутых выше), крах советской плановой экономической системы и распад страны не могли быть следствием возможной тенденции экономики СССР, состоявшей в стремлении к нулевому росту. Советская экономика позднесоциалистического периода представляла собой крепкую, отработанную структуру, которая могла стагнировать или сокращаться, но развалиться самостоятельно она не могла. Однако, как справедливо отмечает В. Конторович, в современном мире экономическим коллапсам, потрясениям и их негативным последствиям может противо-

стоять только устойчивая политическая система. Но в СССР к 1985 г. политическая система оказалась более хрупкой, чем экономическая [6, р. 2].

Очевидным становится тот факт, что советологические сценарии экономических преобразований в СССР во многих аспектах оказались ошибочны. История показала, что страна пошла по пути самых маловероятных сценариев, и реформы М. С. Горбачева, в частности перестройка, привели к распаду Советского Союза — результату, который практически никто из советологов не рассматривал в своих исследованиях. Характеризуя прогностический потенциал зарубежной советологии, нельзя исключать такой показатель, как ошибка прогнозирования — разрыв между прогнозируемым и фактическим событием. Анализируя прогностические ошибки зарубежных советологов, американско-советский экономист В. Конторович фактическим событием определяет распад Советского Союза как самостоятельного государства на 15 независимых государств. Но, по его мнению, ошибкой в прогнозируемом событии является объяснение распада страны, которое считали убедительным [6, р. 14].

В зарубежной историографии в качестве одной из главных причин рассматривали слабость, нежизнеспособность советской экономической системы, а одной из главных причин ошибки прогнозирования называли преувеличение экономистами темпов и стабильности экономики Советского Союза. Но, как справедливо пишет В. Конторович, факт коллапса советской экономики не указывает на то, что выдвигавшиеся низкие оценки темпов экономики СССР еще в 1950-е гг. были верными, а более высокие — неверными [6, р. 16].

Зарубежные аналитики, характеризуя состояние экономики СССР, сформировавшееся к 1985 г., оперировали следующим тезисом: экономику Советского Союза характеризовало медленное, но устойчивое развитие. Однако новый руководитель страны — М. С. Горбачев — принимает решение провести ускорение экономического роста путем реформ (сложная международная обстановка и давление со стороны западных стран способствовали принятию необходимых рисков), которые только усугубили ситуацию. Политические реформы, сопутствовавшие экономическим, также способствовали развалу Советского Союза.

Оценивая потенциал роста советской экономики позднесоциалистического периода и анализируя перспективы ее дальнейшего развития, нельзя не отметить несколько фундаментальных источников ошибок, допущенных в прогностической части работ зарубежных советологов. Среди источников ошибок — анализ экономического роста СССР в краткосрочной перспективе, без рассмотрения долгосрочных тенденций. Обратим внимание на прогнозы таких советологов, как А. Бергсон (в 1978 г. предполагал рост ВВП на три года — 3,2 %, на пять лет — 4,1 %) [7, р. 234], А. Ноув (в 1980 г. предполагал рост ВВП на три года — 2,6 %, на пять лет — 2,9 %) [8, р. 17], Д. Бонд (в 1977 г. предполагал рост ВВП на три года — 2,0 %, на пять лет — 2,0 %) [9, р. 177], С. Кон (в 1970 г. предполагал рост ВВП на три года — 3,9 %, на пять лет — 4,8 %) [10, р. 15], а также данные Центрального разведывательного управления (ЦРУ) (в 1979 г. прогнозировали рост ВВП на три года — 3,6 %, на пять лет — 3,3 %) [11, р. 14]. Нельзя не сделать акцент на существенных различиях, наблюдавшихся в оценке среднегодовых темпов роста среди различных зарубежных экономистов.

Исходя из этого, В. Конторович приводит следующие данные: в 1976 г. рост ВВП в СССР на 1976–1980 гг. прогнозировался на уровне 4,3–4,7 % при известном показателе роста ВВП в 1971–1974 гг. 4,3 %. Рост ВВП Советского Союза в 1976–1979 гг. в итоге составил 3,1 %. В. Конторович справедливо указывает на ошибочность предполагаемых темпов роста экономики СССР, которые сформированы на период второй половины 1970-х гг. Эта ошибка стала очевидной в начале 1980-х гг. Но, по мнению В. Конторовича, очевидные факты ошибочности анализа перспектив роста советского ВВП не были учтены при работе над последующими прогнозами. В соответствии с ними предполагаемый экономический рост Советского Союза до 1985 г. также продолжает рассчитываться в основном на фундаменте предыдущих данных темпов роста СССР до 1980 г., которые снова оказались экстраполированы в прогнозируемые в будущем темпы роста ВВП. Подобным образом проведен и анализ ряда секторов экономики Советского Союза, например, промышленного. В. Конторович отмечает, что такая практика привела к игнорированию долгосрочных тенденций развития экономики

и значительной переоценке темпов роста ВВП СССР [6, р. 11].

В. Конторович полагает, что большинство советологов, составлявших в 1970-х гг. прогнозы развития советской экономики, не считали возможным продолжение замедления экономического роста СССР в долгосрочной перспективе. Это отразилось на оценке роста одного из главных и стабильных секторов советской экономики — промышленного. Как писал В. Конторович, наблюдавшаяся в промышленном секторе СССР долговременная стабильность и прочность при постепенном снижении темпов роста, возможно, являлась уникальной для макроэкономических показателей, но данную тенденцию советологи проигнорировали. Из этого следует вывод о том, что, поскольку последние не подходили к прогнозированию в долгосрочной перспективе, постепенно это привело к накоплению ошибок и, как следствие, к ошибочным суждениям о состоянии советской экономики к 1985 г. Возникает вопрос о том, почему зарубежные советологи, изучив доступные статистические данные, наблюдая замедление экономического роста СССР (в момент составления прогноза на следующие годы) и анализируя причины предыдущих замедлений роста, использовали эти данные в дальнейших прогнозах.

Как известно, экономисты проводят анализ роста производства, в частности в отдельных секторах экономики, в сравнении с ростом факторов производства (земли, труда, капитала) и изменением производительности, с которой используются факторы (общая факторная производительность (ОФП) — совокупность факторов, влияющих на выпуск продукции, за исключением затрат труда и капитала). ОФП может рассматриваться как мерило долгосрочных технологических изменений или технологической динамики, также находящейся в основе прогнозирования будущих темпов роста производства. В. Конторович справедливо указывает на то, что именно медленный рост ОФП, а не факторов, вызвал замедление роста ВВП в середине 1970-х гг. Однако советологи сосредоточили внимание на будущем росте факторов, делая акцент на дефиците рабочей силы.

Как отмечает В. Конторович, прогнозы, составлявшиеся в середине 1970-х гг., во многом игнорировали фактический рост труда и капитала до 1980 г., а в итоге пере-

оценили рост промышленного производства вследствие переоценки ОФП [6, р. 12]. Так, американский экономист Р. Гринслэйд писал о том, что на начало 1970-х гг. показатели общей факторной производительности снижались [12]. По мнению В. Конторовича, с учетом научно-технических достижений и потенциала Советского Союза снижение факторной производительности было очень необычным явлением, вряд ли кто-то верил этому снижению, особенно на фоне представлявшихся ЦРУ оценок состояния экономики и отмечавшегося в этих отчетах роста потребительской активности населения. А. Бергсон полагал, что даже нулевой рост ОФП является «неоправданно пессимистичным» [13, р. 238]. В. Конторович обращает внимание и на то, что одной из причин недоверия к выдвигавшимся прогнозам роста экономики СССР стала ошибка в оценке темпов роста основного капитала.

Оценивая потенциал роста советской экономики и перспективы ее развития, зарубежные советологи основывались на доступных им статистических данных, как советских, так и западных. Но они не смогли предсказать события второй половины 1980-х гг. Причины низкого прогностического потенциала зарубежной советологии пытались выявить, проанализировать и советологи. Наиболее объективной и простой частью их экономического прогноза были расчет, сравнение, а также выявление ошибок в прогнозах темпов роста ВВП СССР. Однако, если речь идет о более сложных экономико-социальных явлениях, мы подходим к пониманию того, что прогнозы и сценарии развития, разработанные на основе только темпа роста ВВП, можно признать ограниченными. В. Конторович высказывает ряд обоснованных претензий к информационному охвату и методам прогностической работы: специалисты не учитывали ошибки прошлых прогнозов (1951–1971 гг.) при разработке следующих, игнорировали всё большую заостренность основных государственных институтов и т. д. [6, р. 15].

Исследование В. Конторовича о выявлении причин ошибок в зарубежных разработках прогнозов экономического развития СССР, которые начали накапливаться с 1960-х гг., позволяет, как нам представляется, понять первооснову проблем прогнозирования в советологии: несмотря на попытки аналитиков изучить советскую экономическую модель, они оказались огра-

ничены в методах. Западная экономическая наука на протяжении нескольких столетий изучала рыночные отношения, практически игнорируя нерыночные организации производства, особенно в рамках практиковавшихся в указанный период базовых теорий. В результате в то время, когда Советский Союз начал на практике проводить строительство новой плановой социалистической экономики, у зарубежных экономистов отсутствовали инструменты и методы для ее анализа. В. Конторович указывает и на языковой барьер, который значительно усложнял западным аналитикам работу с первоисточниками и снижал отдачу от эмпирической работы.

Кроме того, изучение советской экономической модели зачастую базировалось на моделях, призванных исследовать рыночные экономические системы. В. Конторович указывает на то, что разработка новых специализированных систем для каждого случая с учетом специфики плановой модели Советского Союза базируется на иных, а следовательно, менее престижных методиках. Работа с последними может занимать десятилетия для уточнения и выявления необходимых данных. С точки зрения В. Конторовича, советология представляла собой узкоспециализированную направленность в научно-исследовательском сегменте экономической науки Запада, что снижало круг изучения многочисленных отраслей и аспектов советской экономики, даже в таких важных областях, как инвестиции и инновации.

Работы большинства исследователей опирались или ссылались на труды других коллег, а небольшое число аналитиков сужало возможность дебатов, обсуждений и перекрестных проверок работ советологов, что порождало отсутствие противоречий в этой узкопрофессиональной среде. Справедливым видится утверждение В. Конторовича о тесной связи исследований советологов с наблюдавшейся в указанный период мировой политической ситуацией и возможной политической ангажированностью, личными политическими предпочтениями, которые могли существенно влиять на качество изучения, анализа, оценок и прогнозирования экономики СССР [6]. В итоге расхождение между гипотетическим и фактическим политико-экономическим состоянием СССР к 1991 г. в зарубежной советологии объясняется, как правило, ошибочностью ее

анализа. Следует учитывать и то, что советологи не всегда оперировали достоверными статистическими данными, особенно в отношении оборонного бюджета СССР, что приводило к искажениям в расчетах.

Итак, прогностический потенциал зарубежной советологии оказался невысоким. Комплекс фундаментальных проблем, существовавших в зарубежной советологии, ее возможная ангажированность и предвзятость привели к единственному исходу: никто из исследователей не смог

предугадать наиболее вероятный сценарий дальнейшего развития экономики СССР, который в первой половине 1990-х гг. привел к развалу социалистического блока, многократному падению темпов роста, как ВВП, так и отдельных отраслей народного хозяйства (и даже уничтожению ряда отраслей), натурализации товарного обмена, обнищанию большей части населения Российской Федерации и распаду Советского Союза как единого государственного образования.

Список источников

1. *Ellman M.* Socialist Planning. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 435 p.
2. *Höhmnn H.-H.* Sowjetische Wirtschaft 1981/82: Wirtschaftslage, Stand des 11. Fünfjahresplans, Entwicklungsperspektiven, alternative Modelle der Wirtschaftspolitik. Köln: Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien, 1982. 62 s.
3. *Götz-Coenenberg R.* Die Preisbildung in der UdSSR am Beginn des 12. Fünfjahrplans: Grundprobleme und Reformaussichten. Köln: Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien, 1986. 81 s.
4. *Hanson P.* Success Indicators Revisited: the July 1979 Soviet Decree on Planning and Management // *Soviet studies*. 1983. Vol. 35. No. 1. P. 1–13. DOI: 10.1080/09668138308411455
5. *Berliner J. S.* Soviet Industry From Stalin to Gorbachev. Essays on Management and Innovation. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1988. 306 p.
6. *Kontorovich V.* Economists, Soviet Growth Slowdown, and the Collapse // *Europe-Asia Studies*. 2001. Vol. 53. No. 5. P. 675–695. DOI: 10.1080/09668130120060224
7. *Bergson A.* Conclusions // *The USSR in the 1980s*. NATO-Directorate of Economic Affairs. Brussels: NATO, 1978. Vol. 7. P. 241–242.
8. *Nove A.* The Soviet Economy: Problems and Prospects // *The New Left Review*. 1980. No. 119 P. 1–17. URL: <https://newleftreview.org/issues/i119/articles/alec-nove-problems-and-prospects-of-the-soviet-economy> (дата обращения: 23.03.2022).
9. *Bond D. L.* Prospects for the Soviet Economy // *The Technological Level of Soviet Industry* / ed. by R. Amann, J. Cooper, R. W. Davies. New Haven, CT: Yale University Press, 1977. P. 170–183.
10. *Cohn S. H.* Economic Development in the Soviet Union. Lexington, MA: D. C. Heath and Company, 1970. 135 p.
11. *Sovsim, A Model of the Soviet Economy*. Washington, DC: CIA, National Foreign Assessment Center, 1979. 45 p.
12. *Greenslade R.* The Real Gross National Product of the USSR, 1950–1975 // *Soviet Economy in a New Perspective*. Washington, DC: US GPO, 1976. P. 270–300.
13. *Bergson A.* Productivity and the Social System – the USSR and the West. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1978. 256 p.

References

1. Ellman M. Socialist planning. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. 435 p.
2. Höhmnn H.-H. Sowjetische Wirtschaft 1981/82: Wirtschaftslage, Stand des 11. Fünfjahresplans, Entwicklungsperspektiven, alternative Modelle der Wirtschaftspolitik. Köln: Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien; 1982. 62 p.
3. Götz-Coenenberg R. Die Preisbildung in der UdSSR am Beginn des 12. Fünfjahrplans: Grundprobleme und Reformaussichten. Köln: Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien; 1986. 81 p.
4. Hanson P. Success indicators revisited: The July 1979 Soviet decree on planning and management. *Soviet Studies*. 1983;35(1):1-13. DOI: 10.1080/09668138308411455
5. Berliner J.S. Soviet industry from Stalin to Gorbachev: Essays on management and innovation. Ithaca, NY: Cornell University Press; 1988. 306 p.
6. Kontorovich V. Economists, Soviet growth slowdown, and the collapse. *Europe-Asia Studies*. 2001;53(5):675-695. DOI: 10.1080/09668130120060224
7. Bergson A. Conclusions. In: *The USSR in the 1980s: Colloquium held 17th-19th January, 1978 in Brussels*. Brussels: NATO Directorate of Economic Affairs; 1978:241-242.

8. Nove A. Problems and prospects of the Soviet economy. *New Left Review*. 1980;(119):1-17. URL: <https://newleftreview.org/issues/i119/articles/alec-nove-problems-and-prospects-of-the-soviet-economy> (accessed on 23.03.2022).
9. Bond D.L. Prospects for the Soviet economy. In: Amann R., Cooper J., Davies R.W., eds. The technological level of Soviet industry. New Haven, CT: Yale University Press; 1977:170-183.
10. Cohn S.H. Economic development in the Soviet Union. Lexington, MA: Heath Lexington Books; 1970. 135 p.
11. SOVSIM, a model of the Soviet economy. Washington, DC: CIA, National Foreign Assessment Center; 1979. 45 p.
12. Greenslade R.V. The real gross national product of the USSR, 1950-1975. In: Soviet economy in a new perspective. Washington, DC: US GPO; 1976:270-300.
13. Bergson A. Productivity and the social system – the USSR and the West. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1978. 256 p.

Сведения об авторе

Максим Борисович Назаренко
 аспирант кафедры истории народного хозяйства
 и экономических учений экономического
 факультета
 Московский государственный университет
 имени М. В. Ломоносова
 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46

Поступила в редакцию 17.03.2022
 Прошла рецензирование 31.03.2022
 Подписана в печать 22.04.2022

Information about Author

Maksim B. Nazarenko
 Postgraduate Student of the Department
 of History of the National Economy and Economic
 Studies, Faculty of Economics
 Lomonosov Moscow State
 University
 1-46 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Received 17.03.2022
 Revised 31.03.2022
 Accepted 22.04.2022

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов,
 связанных с публикацией данной статьи.
Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication
 of this article.